

Связующая сила слова: Поэтические переводы Л.Н. Гумилёва классиков персидской поэзии

Алексей Бондарев*

Старший научный сотрудник Музея-квартиры Л.Н. Гумилёва, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Марина Козырева**

Старший научный сотрудник Музея-квартиры Л.Н. Гумилёва

(дата получения: ноябрь 2013 г.; дата принятия: январь 2014 г.)

Краткое содержание

Статья посвящена поэтическим переводам с персидского Льва Николаевича Гумилёва. В сравнении с научным наследием Л.Н. Гумилёва его литературное творчество (в т.ч. поэтические переводы произведений классиков персидской поэзии) остается малоизвестным и практически не изученным. В предлагаемом исследовании широко использованы до сих пор неопубликованные документы и переписка из личного архива учёного, хранящиеся ныне в фондах Фонтанного дома Анны Ахматовой, а также воспоминания и интервью, собранные в Музее-квартире Л.Н. Гумилёва. В статье показано, что, благодаря персидским стихам Н.С. Гумилёва и талантливым переводам его сына – Л.Н. Гумилёва – в России узнавали персидскую литературу, открывали богатейший мир персидской культуры. В своих переводах с персидского языка Л.Н. Гумилёв находил такие ритмические формы, которые наиболее соответствовали бы оригиналу. Поэтические переводы Л.Н. Гумилёва имеют особую художественную ценность, благодаря им был сделан ещё один важный шаг к открытию российскими читателями культурного наследия Ирана и в конечном итоге – установлению диалога между нашими культурами.

Ключевые слова: Л.Н. Гумилёв, персидская поэзия, ориентализм, поэтический перевод, персидская тематика в русской литературе.

---

* Тел.: (812) 571 09 52, E-mail: avbondarev@mail.ru

** Тел.: (812) 571 09 52, E-mail: kozyreva_mg@mail.ru

Введение

*Стих – он редкий жемчуг моря, что зовется ум.
Тот поэт, что сверлит жемчуг сокровенных дум.*

*А размеров повороты, рифмы яркий свет...
Это дело рифмоплётов, тут искусства нет.*

*Но поэзия вскипает из сердец в уста.
Прозвучит – и оседает в сердце красота...*

Бехар, «Что такое поэзия?», перевод Л.Н. Гумилёва

Сын двух замечательных поэтов Серебряного века – Николая Гумилёва и Анны Ахматовой – Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992) выдающийся русский учёный и мыслитель, поэт и переводчик, историко-географ, востоковед, этнолог, создатель пассионарной теории этногенеза, объясняющей причины рождения и смены целых народов был и сам фигурой в высшей степени яркой и неординарной. Человек необычайной судьбы, он с молодости привык к жизненным невзгодам и лишениям, которые лишь закалили его: детство вдали от родителей, расстрел отца, клеймо сына участника «контрреволюционного заговора», заключения в сталинских тюрьмах и лагерях «сначала за папу, а затем за маму», а между лагерями – отправился добровольцем на фронт Великой Отечественной войны, встретив радость Победы в Берлине, закончил исторический факультет ЛГУ и защитил кандидатскую диссертацию... Еще в детстве он проявил интерес к истории и географии, а в юности он задался целью написать историю евразийских народов. Для воплощения этой мечты ему потребовалась вся жизнь... (См.: Лавров 2000; Головникова, Тархова, 2002)

Несмотря на многочисленные препоны, Гумилёв блистательно защитил две докторские диссертации – по истории, а затем и по географии; написал и опубликовал 12 монографий и около 300 статей.

Он прошел путь от бесправного раба-зека сталинских лагерей до

положения широко известного учёного. Из глубин отчаяния он вышел несломленным, но изломы судьбы не могли не сказаться на личности этого незаурядного человека. Можно сказать, что вся его жизнь шла *против течения*: наперекор обстоятельствам, вопреки неумолимому валу репрессий, невзирая на догмы «официозной науки» и противодействие завистников, вопреки наветам и непониманию. Остается только удивляться тому, с каким мужественным упорством, несмотря на все трудности и преграды, Л.Н. Гумилёв находил в себе силы осуществлять свой высокий замысел, выполняя своё предназначение. Ни явные и тайные недоброжелатели, никакие доносчики из академической среды, ни мучители из следственных органов НКВД не смогли помешать ему в этом, не сломили его дух, хотя и подорвали здоровье. Вся его жизнь была посвящена служению Прекрасной Даме, его любимой науке – Истории. И за эту Прекрасную Даму он сражался, как подлинный рыцарь, не щадя себя и не взирая на чины своих недругов (Бондарев, 2012).

Основная часть

Вклад Л.Н. Гумилёва в изучение истории народов Евразии. В историю отечественной науки Гумилёв вошел как автор новаторских исследований, посвященных прошлому кочевых народов Великой степи и Центральной Азии. Л.Н. Гумилёв одним из первых заговорил о самобытности и высоких достижениях тюрко-монгольской культуры. Он внес несомненный вклад в опровержение так называемой «черной легенды», которая оправдывала предвзято негативное отношение к степнякам Евразии как к патологически жестоким дикарям-варварам с маниакальной навязчивостью постоянно стремящимся к разрушению благодушных высокоразвитых цивилизаций. В значительной мере благодаря именно работам Гумилёва были закрыты многие «белые пятна» истории евразийских народов почти за двух тысячелетний период (преимущественно – с III века до н.э. до XV столетия н.э.).

В результате самоотверженной исследовательской работы Л.Н. Гумилёв,

продолжая дело своих выдающихся предшественников и учителей, оставил нам доселе не существовавшую связную историю народов Великой степи. Для самого же Гумилёва, как очень верно отметил В.Ю. Ермолаев, имя его научной идеи – «*Чёрная легенда*» – усилиями оппонентов поистине превратилось в символ судьбы: “О нём самом сотворили другую «чёрную легенду», точно так же замешанную на идеологической лжи” (Ермолаев 2005. 17).

«Последний евразиец». Благодаря своим исследованиям истории евразийских народов Гумилёв в 1930-х – 40-х гг. самостоятельно пришёл к осознанию тех историософских и геополитических принципов, которые были сформулированы в 1920-х гг. в рамках евразийства. Дальнейшее знакомство и дружеское общение с его основоположниками П.Н. Савицким и Г.В. Вернадским, а также собственные углублённые историко-географические и этнологические изыскания, позволили ему существенно развить теоретический фундамент евразийства, показать его практический потенциал для настоящего и будущего евразийских народов. Легкость, с которой его приняли в качестве «своего» лидеры этой школы, свидетельствует о том, что близость их заключалась не только в схожей тематике – истории евразийских народов, – но лежала гораздо глубже – в мировоззрении и восприятии исторического предназначения России. Подобно евразийцам Гумилёв был сторонником синтеза естественных и гуманитарных наук, исходил из понятия целостности и взаимовлияния отдельных компонентов мироздания. Творческий синтез евразийства в его наиболее истинных и оправданных положениях, системного подхода в версии Л. Фон Берталанфи, учения В.И. Вернадского о биогеохимической энергии живого вещества биосферы и, наконец, материалы собственных исторических работ по Великой степи позволили Л.Н. Гумилёву совершить качественный прорыв в отечественной науке о человеке (Ермолаев 2005. 14).

Влияние Н.С. Гумилёва на творческие искания сына: персидские мотивы. «Старая Персия», соединившая в себе зороастрийскую и

мусульманскую духовную традицию, находилась в центре внимания многих русских поэтов «Серебряного века» и, в частности, Н.С. Гумилёва (См.: Раскина 2006; Слободнюк 1994; Тименчик 1987; Чудинова 1988; Эберман 1923). Его увлечение персидской литературой было столь велико, что в переписке с Ларисой Рейснер он выступал под именем Гафиза — величайшего поэта-мистика средневекового Ирана (Раскина 2006. 66). Для русских поэтов Персия выступала ярчайшим олицетворением мусульманского мистицизма — страной поэтов-суфиев: от Гафиза до Руми. Деятели русской культуры начала XX века интересовались мусульманским мистицизмом, который они считали в чём-то существенно родственным русскому православному мистицизму. Следует особо подчеркнуть, что у Николая Гумилёва был не просто любительский, а именно исследовательский интерес к культуре восточных народов, постижению их духовных глубин, эстетики и самобытного колорита. Он пристально изучал важнейшие научные работы, посвященные истории и культуре Востока (тогда уже были опубликованы и доступны труды Й. Хаммера, И. Гольдциера, В.А. Жуковского, К. Казанского, А.Е. Крымского, П. Позднеева и др.). По многим вопросам он консультировался с крупнейшими востоковедами своего времени: ассириологом В.К. Шилейко, египтологом Б.А. Тураевым, арабистом И.Ю. Крачковским и др. Среди друзей Н. Гумилёва были художники М. Ларионов и Н. Гончарова, воспринимавшие Восток как «первоисточник всех искусств» (См.: Н.С. Гумилёв: pro et contra, 2000).

Для Льва Гумилёва отец всегда оставался высоким образцом мужества. Трагическая и безвинная гибель отца не могла не сказываться на искалеченной жизни сына. Он превосходно знал наизусть практически всё творчество своего отца. Художественные и исследовательские интересы Н.Гумилёва, его увлечение Востоком, в значительной степени повлияли и на творческие искания его сына.

«Дар слов...»: поэзия в творчестве Л.Н. Гумилёва. Будучи сыном таких замечательных поэтов, Лев Гумилёв не мог не любить поэзию. Еще в детстве он сам начал писать стихи, однако сохранилась лишь очень небольшая их часть. Впоследствии Гумилёв не только писал стихи, он заинтересовался

тайнами мастерства поэтического перевода. Ещё до поступления в университет он освоил таджикский язык и на разговорном уровне овладел фарси. Даже его первый арест в декабре 1933 г. был связан с переводами с восточных языков. Молодой Лев Гумилёв пришел со своими переводами к известному востоковеду В.А. Эберману (1899-1937). Только они начали разбирать их, как в квартиру ворвались сотрудники ОГПУ и арестовали всех, находящихся в квартире. К счастью, Гумилёва вскоре выпустили.

Приведём здесь лишь одно стихотворение молодого Льва Гумилёва из цикла «Огонь и воздух», написанного им в 1934 году:

*Дар слов, неведомый уму,
Мне был обещан от природы.
Он мой. Велению моему
Покорно все: земля и воды,
И легкий воздух, и огонь
В одном моём сокрыты слове.
Но слово мечется, как конь,
Как конь вдоль берега морского,
Когда он бешеный скакал,
Влача останки Ипполита
И помня чудища оскал,
И блеск чешуи, как блеск нефрита.
Сей грозный лик его томит,
И ржання гул подобен вою...*

*А я влачусь, как Ипполит
С окровавленной головою,
И вижу: тайна бытия
Смертельна для чела земного
И слово мчится вдоль нея,
Как конь вдоль берега морского...*

После 1933 г. было еще три ареста: в 1935 г. (тюрьма), а затем – уже лагеря: 1938-1943 гг. – Беломорканал и Норильск (оттуда он отправился на фронт).

Вернувшись с фронта, Гумилёв восстановился в университете, сдал все экзамены и, защитив диплом, был принят в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Но мытарства его не закончились: уже скоро Гумилёв был отчислен из аспирантуры за якобы не сданные во время экзамены и за незнание восточных языков, хотя он имел по этим экзаменам отличные оценки. С большим трудом он успел дописать диссертацию и поработать летом на раскопках 3-го Пазырыкского кургана, а в конце декабря 1948 г. – защитил кандидатскую диссертацию по теме «Подробная политическая история первого тюркского каганата: 546-659 гг.», в которую Гумилёв включил свой перевод из эпоса «Шах-намэ» о Гератской битве. Это исследование высоко оценил выдающийся историк и директор Государственного Эрмитажа, один из учителей Гумилёва, М.И. Артамонов (1898–1972): «представленная им работа "Политическая история тюрков-тюрюков" обладает весьма высокими научными качествами и свидетельствует о незаурядном даровании автора и о его блестящих знаниях в области избранной специальности. В ней в полной мере сказалась и хорошая лингвистическая подготовка Л.Н. Гумилёва. Помимо знания западноевропейских языков, он обнаружил владение иранскими и тюркскими языками, а в приложении к своей работе он дал прекрасный стихотворный перевод большого отрывка из Шах-наме» (Вспоминая Л.Н. Гумилёва 2003. 332).

В конце 1940-х годов Гумилёв окончательно оставляет занятия поэзией и переключает все свои силы, а также унаследованный от своих родителей «дар слов», в сферу научных изысканий. Лишь в 50-х – начале 1960-х гг. он вновь обращается к поэзии, занимаясь поэтическими переводами. В 1959 г., отвечая на вопрос П.Н. Савицкого о своём поэтическом творчестве, Гумилёв писал так: «По поводу <своих> стихов я ничего не могу Вам сказать, так как давно отошел от занятий поэзией; увлекался ею я только в крайней юности.

Совместить изящную словесность с изучением хуннов и уйгуров оказалось выше моих сил. Уже очень давно я выбрал своей дамой Историю и не могу позволить себе отвлекаться в сторону».

Лагерные экспедиции и университеты. В ноябре 1949 г. последовал новый арест, и его отправили в лагерь в Казахстан. Однако, несмотря на тяжелые лагерные условия и преследовавшие его болезни, Гумилёв находил возможность заниматься научными изысканиями и собственным саморазвитием. Среди собеседников Гумилёва были таджики и персы. Гумилёв рассказывал о знакомстве с персидским коммунистом, а А.Ф. Савченко и А.И. Старцев упоминают о дружбе Гумилёва с иранским юношей, которого арестовали еще во время Тегеранской конференции по подозрению в шпионаже. В беседах с этим «тихим, скромным и красивым» персом Гумилёв практиковался в персидском языке, вместе они читали стихи великих персидских поэтов (Вспоминая Л.Н. Гумилёва 2003. 174, 196).

2 февраля 1951 г. Гумилёв писал Ахматовой из Песчанлага: «В январе у нас были сильные холода, и мы не работали. Я в это время занялся персидским языком и значительно успел, но сейчас опять ходим на работу и занятия остановились». Эти занятия персидским языком прервались, так как его отправили на общие работы. Когда после смерти Сталина в 1953 г. стало возможным получать книги из дома и от друзей, Лев Николаевич вновь обратился к переводам. 10 марта 1951 г. Гумилёв пишет матери из Караганды: «Пришли мне книг по истории и хрестоматию на персидском языке, в котором я уже сделал большие успехи». Анна Андреевна получила тогда заказ на переводы китайских и корейских поэтов, и в письмах Гумилёва к матери есть много интересных рассуждений и замечаний о переводах. 12 июня 1954 г. в письме к Ахматовой Гумилёв заметил, что уже «здорово насобачился» в персидском. В июле 1955 г. Гумилёв писал Ахматовой: «Я возобновил свои занятия персидским языком. По вечерам читаю и болтаю. Книги здесь есть, и неплохие». «Занимаюсь историей и персидским языком в полное напряжение», — писал он своей давней знакомой Эмме Герштейн 21 августа

1955 г. (Герштейн 1998. 366).

В это же время Гумилёв узнал от своего друга Василия Аброева о том, что Президиум АН СССР принял решение о переводе «Шах-намэ», поэтому 9 января 1955 г. он написал матери: «Я очень бы хотел получить заказ на кусок перевода сасанидской части. Может быть это уже возможно. И работа приятная и заработал бы я неплохо, ибо язык я не забыл и стихотворным переводом владею. Можно ли это?». Насколько он надеялся на то, что сможет получить заказ на этот перевод можно судить по следующей его просьбе к матери: «...Если пересмотр еще затянется, пришли мне Шах-намэ, только сасанидского периода на перс<идском> языке. Есть таджикские издания русским шрифтом. Ни в коем случае не переводы» (Письмо от 10.03.1956). С той же самой просьбой он обратился и к Эмме Герштейн: «В магазинах нац<иональной> литературы есть Шах-намэ на таджикском языке — вот бы его мне. Все это принесет, в случае моего возвращения, плоды и фрукты» (Герштейн 1998. 376). К сожалению, заказ на перевод он так и не получил. Более того, Эмма Герштейн ему сообщила, что в 1955 г. вышло русское издание «Шах-наме» в переводе Семена Липкина. В своём письме от 23 марта 1956 г. Гумилёв по этому поводу негодовал: «...возмутительная халтура. Переводчик не знает а) языка, б) истории, в) русского стихосложения, но обладает, видимо, наглостью и блатом. Ничего похожего на гениальное произведение великого автора. Если бы Фирдоуси писал так, как Липкин, его бы никто не читал и не знал» (Там же. 381).

Поэтические переводы Л.Н. Гумилёва с персидского языка. После освобождения из лагеря Лев Николаевич вернулся в 1956 г. в свой любимый Город (так он всегда называл Ленинград), и его учитель М.И. Артамонов принял его на работу в Эрмитаж. За пять лет работы в Эрмитаже Гумилёв написал, подготовил к печати и опубликовал свою первую книгу «Хунну», а также несколько статей и защитил докторскую диссертацию по истории древних тюрков, которая позднее тоже вышла в свет под названием «Древние тюрки».

В письме к П.Н. Савицкому от 21 мая 1959 г. Гумилёв признавался: он настолько увлекся гениальными творениями персидских поэтов, что теперь «в персидскую поэзию просто влюблен». Особенно ему был близок эпический масштаб произведений Фирдоуси (935/940 – 1020), который всю свою жизнь искал истину и пытался силой слова воплотить грандиозные исторические полотна: «К словам разумным ты ищи пути, весь мир пройди, чтоб знания обрести». Гумилёва неизменно восхищала мощь поэтического дарования создателя «Шах-наме». В этом бессмертном творении средневековый поэт настолько подробно и точно излагал персидскую историю, что Гумилёв, как уже отмечалось, считал возможным использовать эту поэму в качестве одного из важных исторических источников при подготовке им кандидатской и докторской диссертаций. Рассказывая на своих лекциях об этнической истории народов Ближнего Востока и Средней Азии, Гумилёв неоднократно цитировал в своем собственном переводе поэтические отрывки из «Шах-наме» Фирдоуси и других персидских поэтов и историков.

В 1962 году издательство Эрмитажа выпустило небольшую книжку «Подвиг Бахрама Чубины», в которой Гумилёв смог опубликовать свои переводы фрагментов из «Шах-наме» Фирдоуси, Муджмалъ ат-Таварих валь-Кысас (анонимное сочинение 1126 г.) и исторического труда Мухаммеда ибн Хонд-шаха ибн Махмуда Мирхонда (1433–1498), персидского историка, одного из представителей школы придворных историографов, существовавшей при дворе Тимуридов. На титуле книги – надпись: «Подбор и перевод источников, вступительная статья "Битва при Герате" и комментарий Л.Н. Гумилёва».

Приведём фрагмент из вступительной статьи к этой книге, где Гумилёв сам описывает особенности своего перевода: «Длинноты и повторения сознательно опущены, а там, где изложение событий необходимо, но стихотворная передача не оправдана, в повествование инкрустирован текст Мирхонда, что восполняет смысловой пробел и придает изложению стереоскопичность, облегчающую восприятие. Зато разделы, написанные

Фирдоуси на высоком поэтическом напряжении, переданы почти дословно. Переводчик пытался дать адекватный перевод источника и тем самым передать его литературные достоинства, пропадающие при буквальном следовании за оригиналом. Поэтому он сохранил персидское произношение этнонима «тюрк», полагая, что разница между центральноазиатскими «турками» VI века и турками-османами XIV-XX веков очевидна и не может вызвать недоразумений. Переводчик старался уловить и сохранить сочетание лирических и патетических интонаций с подчас суховатыми и деловыми описаниями; величественных, иногда забытых слов с бытовыми выражениями, как, например, «победность» (пирузи) и «скорежился» (бипичид). Вслед за подлинником он то ослаблял, то усиливал интонационное напряжение, стремясь к тому, чтобы в повествовании о великом событии читатель услышал голос великого персидского поэта» (Гумилёв 1962. 8). Эти слова показывают насколько Гумилёв ответственно подходил к переводу персидских источников и решению тех проблем, которые возникают при поэтическом переводе.

Зарплата в Эрмитаже у Гумилёва была небольшая, а после лагеря надо было обустроить свою жизнь. Поэтому для заработка он продолжал заниматься переводами и довольно много переводил с персидского языка. Его переводы есть в нескольких сборниках стихов средневековых и современных персидских поэтов. Он переводил творения Фирдоуси, Саади, Бехара, Фаррахи, Мирзаде Эшки, Шахрияра, Абульхасана Варзи, Абулькасема Халята, Сае и др. В некоторых своих письмах Лев Николаевич признавался, что не всех поэтов переводил с удовольствием, однако независимо от того, близки ему стихи того или иного автора или нет, он относился к переводам очень ответственно. В поэтические же переложения творений своих любимых поэтов – Фирдоуси, Хосрова, Омара Хайяма, Саади – он вкладывал, можно сказать, всю душу, весь свой поэтический талант. Поэтому и получались иной раз переводы, превосходящие оригиналы. И не зря Анна Ахматова отдавала часть переводов сыну и не зря хвалила его переводческие способности. Известно, что Гумилёв часто помогал матери с переводами (См.: Дар слов... 2004. 577).

А.А. Ахматова не любила переводческую работу, но вынуждена была заниматься ею. Для неё это был единственный способ зарабатывать деньги в те времена, ведь после печально знаменитого доклада Жданова её собственные стихи перестали печатать. А знаниям, поэтическому чутью и вкусу сына она доверяла и очень радовалась высоким оценкам его переводческого таланта.

В письме к П.Н. Савицкому от 21 мая 1959 г. Гумилёв пишет: «Скоро должна выйти книга персидского поэта Бехара, где много моих переводов. Мне будет очень интересно знать Ваше мнение, особенно по поводу его исторических стихотворений». И далее он отмечает, что в этих стихах «отчетливо проявилось древнеиранское противопоставление себя – Ирана, – и Западу, и евразийскому Востоку». В другом письме Савицкому (от 28.I.1960 г.) Гумилёв пишет: «на свете нет ничего более увлекательного, чем писать историю. Вот я и довел себя до изнурения». И далее он интересуется: «Получили ли Вы книжку с моими переводами с персидского?». Гумилёв отмечает, что хотя доставшиеся ему для перевода «стихи не очень хороши», но он тем не менее переводил их «по мере сил старательно и точно».

В конце 50-х гг. руководство издательства «Художественная литература» приняло решение о переводе на русский язык избранных стихов Мохаммед Таги Бехара (1886–1951), выдающегося иранского поэта, ученого, крупного филолога и общественного деятеля. Бехар был известен своими симпатиями к Советскому Союзу и поэтому сборник переводов его произведений был издан достаточно быстро. В этом сборнике Л.Н. Гумилёву принадлежит семнадцать поэтических переводов: «Жалоба», «Адская касыда», «Хорошая поэзия», «Газель» («Мы – свечи...»), «Неизвестность», «Смятенные мысли», «Жена и муж», «Благожелательность», «Без адреса», «Дары поэзии», «Нефть», «Воспитание», «Нежной», «Газель» («Если это грех...»), «Что такое поэзия?», «Выборы» и «Воспоминание о родине».

Ознакомившись с этим сборником переводов, П.Н. Савицкий так отозвался на переводческие старания своего младшего коллеги и друга: «Бехара я изучил внимательно. Это полная история Ирана за первую половину

текущего века. Ваши переводы хороши. Я поразился Вашей изобретательности по части рифм. <...> Одним словом, книжечка Бехара и Ваши переводы в ней доставили мне большую радость!» (Савицкий, письмо от 10.03.1960).

Примером одного из самых изящных по своему переводу произведений Бехара может послужить «Газель», лирическое стихотворение, в котором рифмуются два полустишия первого бейта, причём затем та же рифма (монорим) сохраняется во всех вторых полустишиях каждого последующего бейта по типу «аа, ба, са, да» и т.д. В этом шедевре Гумилёву удалось отразить не только классическую форму газели, всю изысканность и глубину содержания поэтического подлинника, но даже передать его характерные интонационные особенности:

Мы — свечи... сердце сжигает пламя. Иного нет.

Горя, исходим всю ночь слезами... Иного нет.

Нам обещали мгновенье счастья, свиданья миг,

Но злую шутку сыграли с нами... Иного нет.

Ты алчешь славы, в искусстве хочешь артистом стать,

Учись у сердца. Любовь — как знамя! Иного нет.

Чего ты хочешь от тех, кто рядом? Их ремесло —

Лишь колыбели сменить гробами... Иного нет.

Напрасно ищешь познания в школах, в которых есть

Мелки да доски с учителями... Иного нет.

В бескрайнем мире одно бесценно — решил Бехар:

Любимый облик перед глазами... Иного нет!

Гумилёв принимал также участие в переводах с персидского еще в

нескольких сборниках: Мирзаде Эшки «Печаль о родине (1959), «Современная персидская поэзия» (1959), «Современная персидская лирика» (1961).

В целом ряде своих научных статей и книг Гумилёв цитировал в собственном переводе необходимые ему выдержки из сочинений многих персидских поэтов, а также арабо-мусульманских мыслителей и историков. Так, например, в VII-й главе книги «Открытие Хазарии» Гумилёв приводит фрагменты из Фирдоуси, а также цитирует стихотворение и другого средневекового персидского поэта — суфийского шейха Муслих ад-Дин Саади Ширази (118–1291).

Поэтические переводы Л.Н. Гумилёва: оценки современников.

Приведём лишь некоторые авторитетные оценки переводческого мастерства Л.Н. Гумилёва. Вот что, например, писал из Праги Гумилёву о его переводе «Подвиг Бахрама Чубины» П.Н. Савицкий: *«"Подвиг Бахрама Чубина" очень меня порадовал – и содержанием, и изяществом оформления. Чувствую и ценю исторические поэтические качества Ваших переводов из Фирдоуси. Ясен и выразителен и прозаический Ваш перевод из Мирханда (стр. 20-22). В этом последнем обращает на себя внимание то обстоятельство, что в придаточных предложениях Вы почти повсюду ставите глагол на конце (уже в первой фразе: «Когда дух Хормизда от этих врагов освобожден») и т.д. – порядкословие, необычное в русском языке). Полагаю, что оно передает некоторую особенность оригинала и придает переводу должную архаичность»* (Письмо от 3-6 октября 1962 года). Прочитав эту же книгу, выдающийся российско-американский историк Г.В. Вернадский оценил предпринятую Гумилёвым работу так: *«Мастерский анализ источников с большим проникновением в историческую обстановку!»* (Письмо Г.В. Вернадского к П.Н. Савицкому 25 марта 1961 г.).

Уже в наше время известный востоковед М.Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа, так отзывался о книге «Подвиг Бахрама Чубина», подготовленной Гумилёвым: *«Эта работа представляется мне блестящим образцом подхода к истории, которая делает труды Гумилева столь*

увлекательными для широкой публики. Ее основа и источник – прекрасный авторский перевод текстов из великого "Шах-намэ". Поэтический текст и авторский перевод являются неотъемлемой частью всех рассуждений» (Цит. по: Ахметшин 2011. 9).

Сохранились и другие отзывы о переводческом таланте Л.Н. Гумилёва. Так, В.И. Куренной, участвовавший в молодости в экспедициях с Гумилёвым, вспоминал: *«Его переводы с персидского не только превосходны в художественном отношении, но и, что очень важно, хорошо передают национальный дух персидской поэзии, ее этнокультурную сущность. Именно этого советские переводчики, как правило, передать не могли – просто потому, что они не знали и не считали нужным знать культурную жизненную основу Ирана».*

Заключение

Благодаря персидским стихам Н.С. Гумилёва и талантливым переводам его сына – Л.Н. Гумилёва – в России узнавали персидскую литературу, погружались в таинственный, манящий и безбрежный океан персидской культуры. И далёкий мир Персии-Ирана становился российским читателям ещё интереснее и ближе, понятнее и вместе с тем ещё загадочнее.

Если в своих научных работах Л.Н. Гумилёв предвосхитил идеи развития межкультурного и межэтнического диалога (Бондарев, Мосолова, 2012), то в своих переводах он всемерно старался, чтобы подлинный голос классиков персидской поэзии начинал звучать для российских читателей насколько возможно точнее и ярче. При этом Л.Н. Гумилёв находил такие ритмические формы, которые наиболее соответствовали бы оригиналу, в ряде случаев ему даже удавалось воспроизводить размер и интонационные особенности поэтического подлинника. Он исходил из убеждения, что создаваемая им на русском языке поэтическая версия-переложение творений персидских авторов должна передавать художественное единство содержания и формы оригинала, воспроизводить его как живой и целостный поэтический организм. Гумилёв

упорно стремился к тому, чтобы при переводе оказалась как можно точнее передана возвышенность стиля персидской поэзии, искусная игра метафор, аллегорий, символических образов, изысканных значений слов, а также скрытых нюансов этих значений. Л.Н. Гумилёв прикладывал немалые силы, чтобы при переводе попытаться выразить те самые духовные глубины и смыслы, которые были столь важны для персидских поэтов, но так трудно уловимы и трудно передаваемы для людей иной культуры.

Таким образом, поэтические переводы Л.Н. Гумилёва имеют особую художественную ценность, благодаря им был сделан ещё один важный шаг к открытию российскими читателями культурного наследия Ирана и в конечном итоге – установлению связующего моста между нашими культурами...

Поэтические переводы Л.Н. Гумилёва с персид. языка

Варзи Абульхасан "В мечтах о тебе" //Современная персидская поэзия. /Пер. с персид. М., 1959. С. 325.

Бехар "Жалоба", "Адская касыда", "Хорошая поэзия", "Газель: (Мысвечи...)", "Неизвестность", "Смятенные мысли", "Жена и муж", "Благожелательность", "Без адреса", "Дары поэзии", "Нефть", "Воспитание", "Нежной", "Газель: (Если это грех...)", "Что такое поэзия?", "Выборы", "Воспоминания о родине" //Бехар. Стихотворения/Пер. с персид. М., 1959. С.17-20,28-36.41-60.65-66.70.83-86.89.145-146.154,163,173.179-182,185-190.

Дехкода Али-Акбар "Лучшее деяние скряги" /Современная персидская поэзия, /пер. с персид. М., 1959. С. 29.

Йезди Фаррохи "Мы нищие толпы...", "В сердцах разбитых...", "У обреченных тоске...", "В ладонях мужества меч...". •

"Посреди весенних цветов...". //Современная персидская поэзия/ Пер. с персид. М., 1959. С. 79. 81-85.

Бенава Абдурауф "Разве это жизнь?", "Обращение матери", "Плач сироты зимой", "Для покинутой девушки нет праздника", "Рубай" //Стихи поэтов Афганистана. Пер. с пушту и фарси-кабули. М., 1962. С. 49-60.

Маджрух Сайд Шамсутдин "Памяти Хушхаль-хана", "О судьба", "Для чего?", "Давно", "Когда" //Стихи поэтов Афганистана. /Пер. с пушту и фарси-кабули. М., 1962. С. 61-69.

Мирзаде Эшки "Альваид и Хамадин", "Слово великих", "В честь Фирдоуси", "Арефу", "Светлый лик", "Праздник Курбан", "Чиновники-воры", "Равнодушие к небесам", "Бедствия Ирана", "Известный лорд", "Мастер чувств", "Гордость поэта", "Печаль о Родине" /Пер. с персид. //Эшки (Мирзаде) Печаль о родине /Пер. с персид. М.-Л., 1965. С. 17-21. 38-41, 65. 69. 71-73. 78-80. 87. 101- 106.

Сае "Луна и Мариам", "Чувство", "Может быть", "Стена", "Обида", "Язык взглядов", "Надежда", "Утро желаний", "Пери", "Камень", "Одиночество", "На чужбине", "Сломанный" /Пер. с персид. //Современная персидская лирика. М., 1961. С. 203-209, 215, 220-221.

Халят Абулькасем "Раз женщина с новым знакомым вдвоем..." //Современная персидская поэзия/ Пер. с персид. М., 1959. С.270.

Шахрияр "Сцена ночи", "Буря в лесу" //Современная персидская лирика /Пер. с персид. М., 1961. С. 107-108. 109-112.

Народные четверостишия: "Я дома любимой под вечер достиг...", "Вдова, если даже из близких она...", "Трех любимых имею. друг друга пестрей...", "Как печально, что наши сердца не в ладу...", "Темноликая мне померанец дала...", "Переулком моя дорогая идет...", "Лежит зной изнуряющий", "Дорогая, расстаться с душой не беда...", "Можно сердце красоткам небрежно отдать...", "Увяли выюки и ушла поскорей...", "Чем я был? Был в ладони любимой иглой..." //Современная персидская поэзия /Пер. с персид. М., 1961. С. 311-313.

"Дар слов мне был обещан от природы: литературное наследие. Стихи. Драммы. Переводы. Проза." / вступ. статья, подготовка текста и коммент. М.Г. Козыревой, В.Н. Вороновича. – СПб. Росток, 2004. – 624с., ил.- (Сер."Неизвестный XX век")

Литература

- Ахметшин Ш.К. (2011). *Лев Николаевич Гумилев*. СПб. Изд-во «Славия». –528 с., 353 илл.
- Бондарев А.В. (2012). Феномен Л.Н. Гумилёва // *Наследие Л.Н. Гумилёва и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы*. Сборник статей Международного научного конгресса, посвящённого 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилёва, Санкт-Петербург, 1 – 3 октября 2012 года. – СПб. Изд-во «РГПУ им. А.И. Герцена». С. 44-69.
- Бондарев А.В., Мосолова Л.М. (2012). *Актуализация евразийской идеи Л.Н.Гумилёва и её значение для диалога культур и цивилизаций* // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17-18 мая 2012 г. Т. 1. Доклады. – СПб. Изд-во «СПбГУП», С. 340-343.
- Вспоминая Л.Н. Гумилёва: Воспоминания. Публикации. Исследования* (2003). / сост. и коммент. В.Н. Воронович, М.Г. Козырева; Мемор. Музей-квартира Л.Н. Гумилёва, Филиал Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме. – СПб. Росток, – 368 с. портр., ил. – (Неизвестный XX век)
- Герштейн Э.Г. (1998). *Мемуары*. – СПб. Изд-во «Инапресс». 528 с.
- Головникова О.В., Тархова Н.С. (2002). «*И все-таки я буду историком!*» // Звезда. № 8. С. 114–135.
- Гумилёв Л.Н. (1962). *Подвиг Бахрама Чубины: Подбор и перевод источников, вступительная статья "Битва при Герате" и комментарий Л.Н. Гумилёва*. – Л. Изд-во «гос. Эрмитажа». 40 с., 5 л. илл.
- Гумилёв Л.Н. (1990). *Библиографический указатель* / Под ред. А.Г. Каримуллина. – Казань. Б.и.
- Ермолаев В.Ю. (2005). «*Черная легенда: имя идеи и символ судьбы* // Гумилёв Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М. Изд-во «Айрис-пресс». С. 5-24.
- Живя в чужих словах: воспоминания о Л.Н. Гумилёве*. (2006). / Сост., вступ.ст., коммент. В.Н. Вороновича, М.Г. Козыревой. СПб. Росток, 2006. – 624с., 16л.ил.- (Неизвестный XX век)
- Лавров С.Б. (2000). *Лев Гумилёв. Судьба и идеи*. М. Сварог и К., – 406 с.
- Н.С. Гумилёв: pro et contra: Личность и творчество Николая Гумилёва в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология* (2000). / Сост., вст. ст., прим. Ю.В. Зобнина. 2-е изд. СПб. Изд-во «РХГИ», 2000. – 671 с.
- Перетиска А.А. Ахматовой с Л.Н. Гумилёвым* (1994). // Звезда. № 4. С. 176-188.
- Раскина Е.Ю. (2006). *Культуроним Персии в сакральной географии Н.С. Гумилёва* // Гумилёвские чтения. Материалы Международной научной конференции 14-16 апреля 2006 г. СПб. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. С. 66-77.

- Слободнюк С.Л. (1994). *Элементы восточной духовности в поэзии Н.С. Гумилёва* // *Николай Гумилёв: Исследования и материалы. Библиография.* – СПб. Изд-во «Наука» С. 164–186.
- Тамимдари Ахмад (2007). *История персидской литературы.* — СПб. Изд-во «Петербургское Востоковедение». – 240 с.
- Тименчик Р. (1987). *Николай Гумилёв и Восток* // *Памир.* № 3. С. 123–136.
- Чудинова Е. (1988). *К вопросу об ориентализме Н. Гумилёва* // *Филологические науки.* № 3. С. 9–15.

Bibliography

- Akhmetshin Sh.S. (2011). *Lev Nikolaevich Gumilev.* SPb.: Slavia.
- Bondarev A.V. (2012). «*Phenomenon of L.N. Gumilev*» // *The Heritage of Lev Gumilev and the Destinies of the Peoples of Eurasia: History, Present and Prospects.* Collection of articles of the International Scientific Congress devoted to the 100th anniversary of the birth of L.N. Gumilev, St. Petersburg, 1-3 October, 2012. SPb.: Herzen State Pedagogical University of Russia. pp. 44-69.
- Bondarev A.V., Mosolova L.M. (2012). «*Updating the L.N. Gumilev Eurasian idea and its Significance for the Dialogue of Cultures and Civilizations*» // *Dialogue of Cultures in Conditions of Globalization.* The 12th International Likhachev scientific readings, 17-18 May 2012. SPb.: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences. pp. 340-343.
- Remembering L.N. (2003). *Gumilev: Memories. Publications. Research /* Compilers and comment. V.N. Voronovich, M.G. Kozyreva. SPb.: Rostock.
- Gerstein E. (1998). *Memoirs.* SPb.: Inapress.
- Golovnikova O.V., Tarkhova N.S. (2002). «*I Will Be a Historian All the Same!*» // *Zvezda.* № 8. pp. 114-135.
- Gumilev L.N. (1962). *Heroic Battle of Bahram Thubin: Selection and Translation Sources, Introduction "The Battle of Herat" and Comments of L.N. Gumilev.* Leningrad: State Hermitage.
- Gumilev L.N. (1990). *Bibliographic Index.* /Ed. by A.G. Karimullin. Kazan: [Without publisher].
- Ermolaev V.Y. (2005). «*Black Legend: the Name of the Idea and a Symbol of the Fate*» // *Gumilev L.N. Black Legend: Friends and Enemies of the Great Steppe.* M.: Irispress. pp. 5-24.
- “*Living in Other People Words...*”: *Memories of L.N. Gumilev* (2006)/ Compilers, introduction, comments V.N. Voronovich, M.G. Kozyreva. SPb.: Rostock.
- Lavrov S.B. (2000). *Lev Gumilev. The Fate and Idea.* M.: Svarog and Co.

Nikolai Gumilev: Pro et Contra. The Life and Oeuvre of Nikolai Gumilev in Assess of Russian Thinkers and Researchers: the Anthology (1994). / Compiler, approx. Y.V. Zobnin. – 2nd edition. SPb.: Russian Christian Academy for the Humanities.

«Correspondence of A.A. Akhmatova and LN. Gumilev» (1994) // *Zvezda*. № 4. pp. 176-188.

Raskina D.R. (2006). «*Persia in Sacred Geography of N.S. Gumilev*» // *Gumilev's Reading. Materials of the International scientific conference 14-16 April 2006*. SPb.: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences. pp. 538-546.

Slobodnyuk S.L. (1994). «*Elements of Eastern Spirituality in Poetry of N.S. Gumilev*» // *Nikolai Gumilev: Research and Materials. Bibliography*. SPb.: Nauka. pp. 164-186.

Tamimdari Ahmad (2007). *The History of Persian Literature*. SPb.: Petersburg Oriental studies.

Timenchik R. (1987). «*Nikolai Gumilev and East*» // *Pamir*. № 3. pp. 123-136.

Chudinova E.K. (1988). «*On a question about Orientalism of N. Gumilev*» // *Philological studies*. № 3. pp. 9-15.

Eberman V.A. (1923). «*Arabs and Persian in the Russian poetry*» // *Vostok*. № 3. pp.108-125.

چکیده‌های فارسی

قدرت ارتباط کلام: ترجمه‌های شاعرانه اشعار کلاسیک فارسی

لف نیکالایویچ گومیلیوف

آلکسی بوندارو*

استاد پژوهشی موزه-آپارتمان ل.ن. گومیلیوف، دانشیار گروه تئوری و تاریخ فرهنگ دانشگاه دولتی تربیت معلم آ.آ. گرتسن روسیه، سن پترزبورگ، روسیه

مارینا کوزیروا**

استاد پژوهشی موزه-آپارتمان ل.ن. گومیلیوف، سن پترزبورگ، روسیه

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۱۳؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۱۴)

مقاله به بررسی ترجمه‌های شاعرانه فارسی لَف گومیلیوف اختصاص دارد. در مقایسه با میراث علمی ل.ن. گومیلیوف آثار ادبی او (از جمله ترجمه‌های شاعرانه اشعار کلاسیک فارسی) از شهرت چندانی برخوردار نیست و عملاً در باره آن‌ها بررسی و پژوهشی انجام نشده است. در پژوهش حاضر به طور عمده اسناد و مکاتباتی از آرشیو شخصی این دانشمند که تاکنون منتشر نشده‌اند و اکنون در مراکز ماند موزه فانتانی دُم (خانه فواره) آنا آخمتوا نگهداری می‌شوند و همچنین از خاطرات و مصاحبه‌های جمع‌آوری شده در موزه-آپارتمان ل.ن. گومیلیوف، استفاده شده است. در مقاله اشاره شده که به وسیله اشعار فارسی نیکالای ستیانویچ گومیلیوف و ترجمه‌های خوب پسرش، ل.ن. گومیلیوف، مردم روسیه با ادبیات فارسی و دنیای بسیار غنی فرهنگ ایرانی آشنا شده‌اند. لَف گومیلیوف در ترجمه‌های خود آهنگ اشعار را به گونه‌ای انتقال داده که با اصل مطابقت داشته باشد. ترجمه‌های شاعرانه لَف گومیلیوف ارزش هنری ویژه‌ای دارد و به لطف آن قدم مهمی برای آشنایی خوانندگان روسی با میراث فرهنگی ایران برداشته شد و موجب برقراری گفتگوی بین‌فرهنگی دو ملت ایران و روسیه گردید.

واژه‌های کلیدی: اشعار فارسی، ترجمه شاعرانه، شرق‌شناسی، ل.ن. گومیلیوف، نقش مایه‌های فارسی (ایرانی) در ادبیات روسی.